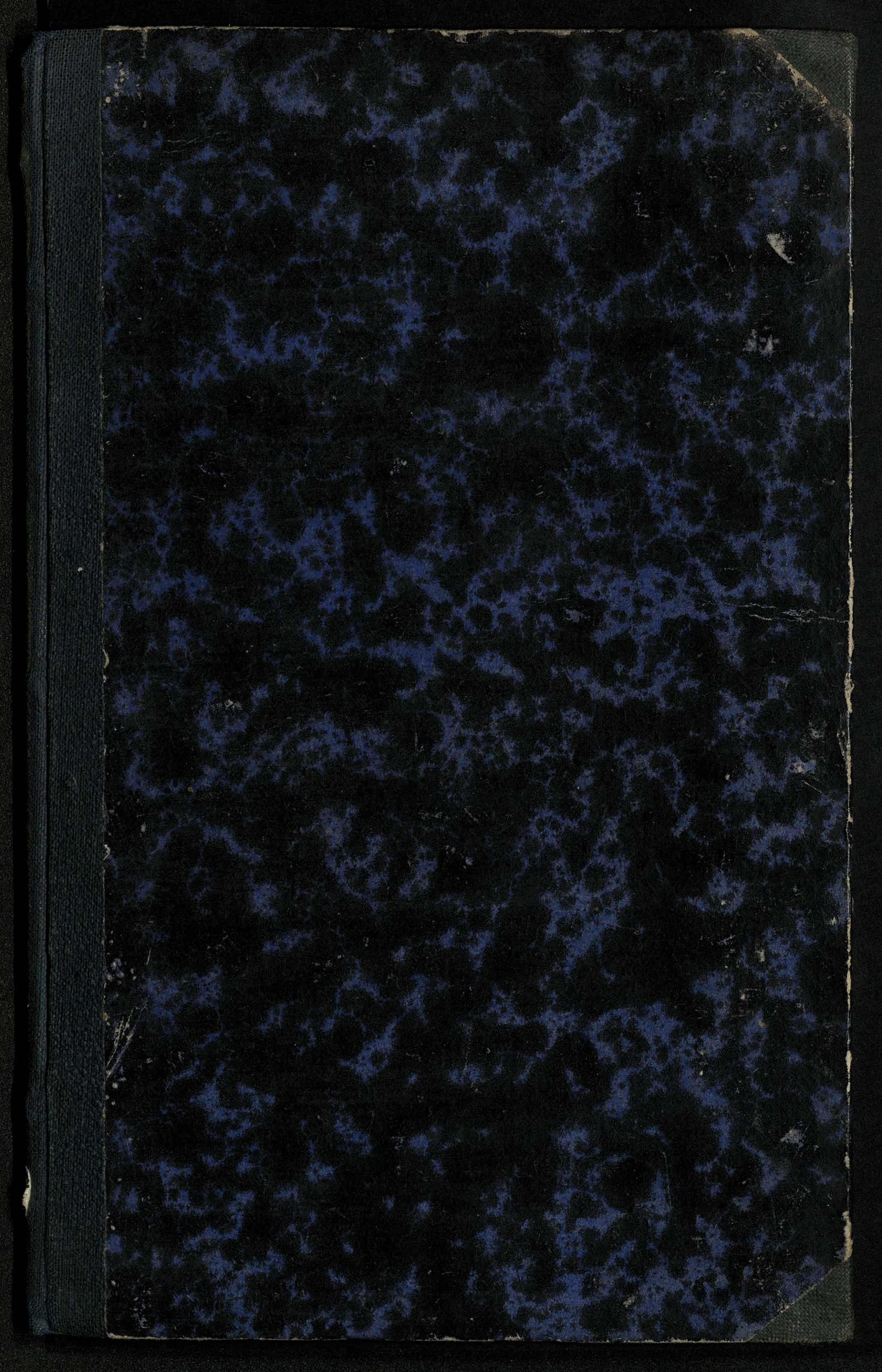

КТО ЕСТЬ ИСТИННЫЙ ДРУГЪ?

ИНОСКАЗАТЕЛЬНОЕ СО НРАВОУЧЕНІЕМЪ

ПОВѢСТВОВАНІЕ.

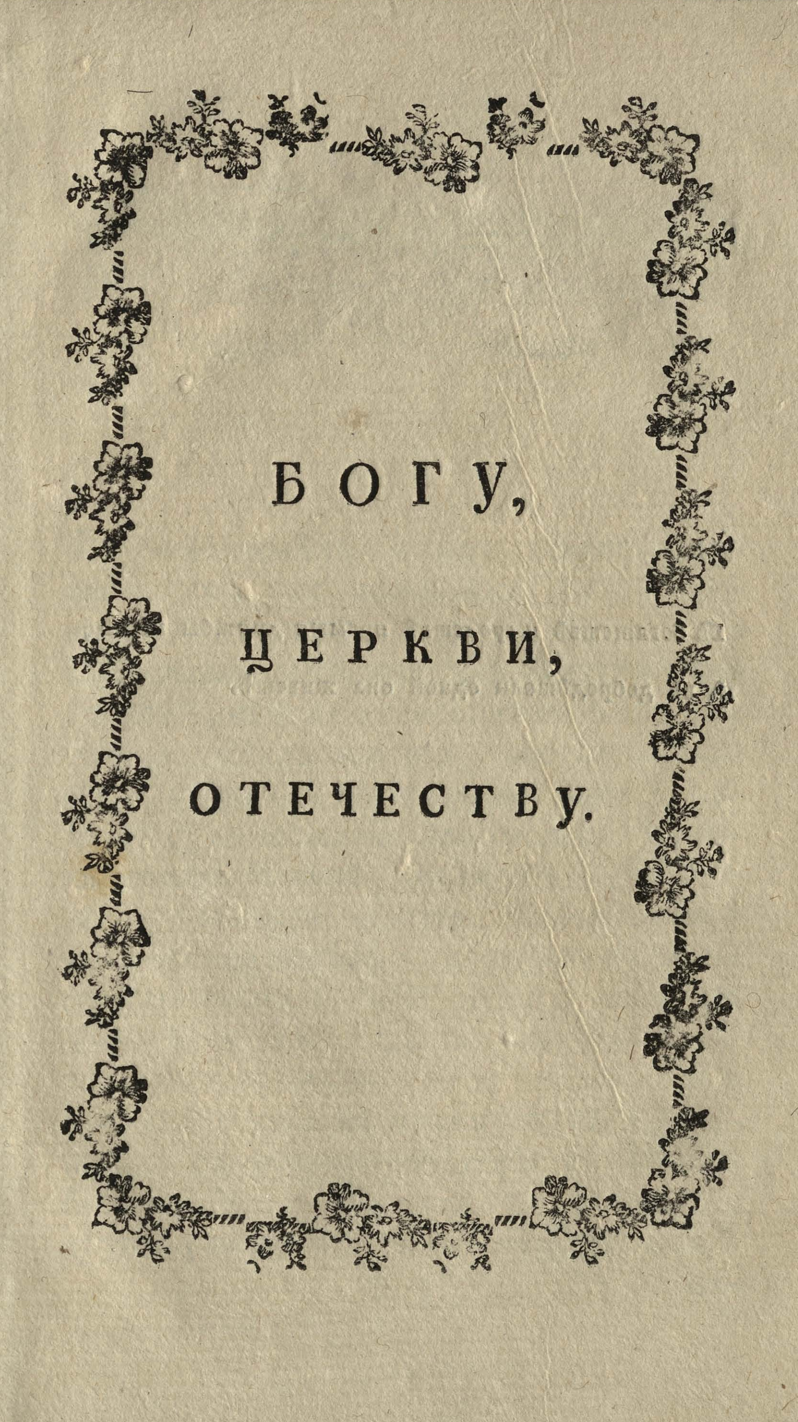
СОЧИНИЛЪ

РЕКТОРЪ І. АПОЛЛОСЪ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1783 года.

Отдан въ библиотеку
Воскресенскаго Мнтря
12 Марта 1824 г.

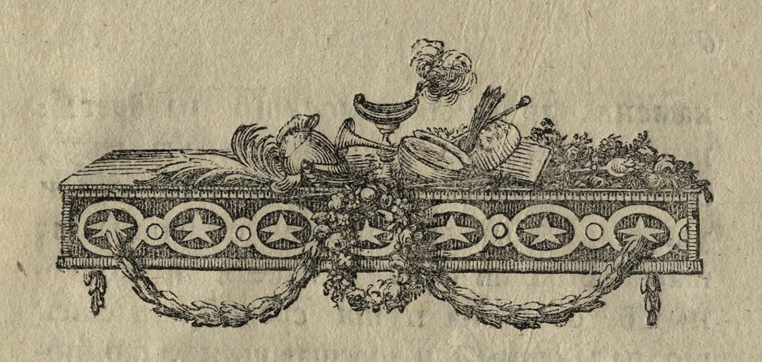
БОГУ,

ЦЕРКВИ,

ОТЕЧЕСТВУ.

Въ богатствѣ и сродствѣ прямыя дружбы нѣтъ,

А въ добродѣтели одной она живетъ.

Віофитъ имѣлъ нужду искать друзей: ему не возможно было прожить безъ нихъ. Будучи составленъ изъ противныхъ свойствъ, иногда о небесномъ, иногда о земномъ помышлялъ; иногда любилъ все то, что въ свѣтѣ есть твердо и постоянно, иногда одними суетностями занимался. Будучи весьма бѣденъ, долженъ былъ отвсюду помощи искать. Собственнаго жилища не имѣлъ; а странствуя на предложенномъ себѣ пути, что ни дѣлалъ, что ни видѣлъ, что ни зналъ, все то было подобно какъ во снѣ. Какъ естьли бы кто на мореходцевъ посмотрѣлъ съ превысокой горы и увидѣлъ бы, что иные носятся по волнамъ, другіе утопаютъ; иные разбиваются о

камень, другихъ выносятъ на брегъ; иные, ухватясь за корабельную доску, спасаютъ свою жизнь, другіе среди утопшихъ тѣлъ борются съ волнами: такъ Віофитъ видѣлъ себя и подобныхъ себѣ на пути среди напастей то падающихъ и возстающихъ, то погибающихъ, то спасающихся, то на верьхъ горы восходящихъ, то стремглавъ упадающихъ. И хотя странствованіе его было собраніе всѣхъ бѣдствій, однако онъ скоро до своего отечества достигнуть не хотѣлъ. Чѣмъ далѣе простиралося его путешествіе, тѣмъ больше онъ несчастій къ несчастіямъ прилагалъ. Чѣмъ ближе подходилъ къ своему предѣлу, тѣмъ менѣе шествіе свое окончавати желалъ. Онъ, не такъ какъ снова раждается луна, ни въ старости помолодѣть, ни перероди́ться могъ, но идя опаснымъ путемъ, во всякое время, на всякомъ мѣстѣ и при всѣхъ случаяхъ имѣлъ нужду требовать помощи отъ друзей. Съ таковою нуждою соединялось и удовольствіе, происходящее отъ дружества; ибо коликая въ жизни утѣха имѣть друга, коему бы мо-

жно

жно было повѣрить сердце свое, коему бы можно сообщить свои тайности, съ кѣмъ бы раздѣлить свою радость и облегчить печали! Другъ вѣренъ есть врачевство жизни и безсмертія, коего обрѣтаютъ боящіеся токмо Бога. Ежели обрѣтеніе друга равняется съ обрѣтеніемъ драгоцѣннѣйшаго сокровища и есть единство души, въ двухъ тѣлахъ пребывающее: то и Віофитъ думалъ, что благополучнымъ быть безъ истиннаго друга не можно. Да и справедливо полагалъ онъ блаженство свое въ томъ, чтобы найти другаго самаго себя. Онъ такъ въ себѣ разсуждалъ: возведутъ ли на меня клеветы недоброхоты мои, я прибѣгну къ другу, и онъ отдастъ справедливость; виноватъ ли я, или правъ, отнимутъ ли добро мое, или притѣснятъ, онъ меня утѣшитъ; мучить ли станетъ меня болѣзнь, въ опасности ли будетъ моя жизнь, онъ мнѣ утѣшеніе подастъ, онъ участіе приметъ въ скорби моей, онъ раздѣлитъ со мною горести мои. Ежели будетъ мнѣ благопріятствовать счастіе, (*) то дары

(*) Сенека глава 7 о спокойствіи духа.

его въ присутствіи друга будутъ блистательны и пріятны, рѣчь его облегчитъ безпокойства, веселость духа разсыплетъ печаль, благоразуміе добрые подастъ совѣты.

Но комужъ я, думалъ онъ, поручу сердце мое? Сколь велико удовольствіе имѣть друга, столь трудно его пріобрѣтеніе. Какъ ласточки свиваютъ гнѣзда лѣтомъ, а улетаютъ отъ хладной осени; какъ мухи налетаютъ къ сладкому питію, или кушанью; или какъ мыши, кормясь отъ людей, всегда отъ нихъ же и убѣгаютъ: такъ невѣрные друзья окружаютъ насъ только во время счастія, а при несчастливыхъ приключеніяхъ оставляютъ.

Сингеній, *Плутосъ* и *Аретъ* знали его нужду; они наперерывъ предлагали Віофиту дружбу свою. Сингеній думалъ, что онъ по нуждѣ, и хотя бы не хотѣлъ, долженъ придержаться его; Плутосъ находилъ, что Віофиту безъ него не прожить, что и самъ Сингеній тогда только Віофита любитъ,

когда

когда Плутосъ благопріятствуетъ ему, и что безъ его услугъ ни нужной, ни полезной, ни увеселительной жизни имѣть не можно. Аретъ могъ быть истиннымъ его другомъ. Аретъ одинъ могъ даровать блаженную Віофиту жизнь; онъ надѣялся на себя и зналъ, что безъ него ни несчастіе терпѣть, ни въ благополучіи жить не можно. Онъ зналъ, что Сингеній и Плутосъ обманщики и льстецы; а ежели когда хороши и ежели нужны ихъ услуги, то только тогда, когда его же предаются совѣтамъ и наставленіямъ, хотя сіе такъ рѣдко случалось, какъ рѣдко сыскивается самородное золото.

Заподлинно Віофитъ Сингенія прежде всѣхъ полюбилъ; казалось, что ближе къ нему нѣтъ никого. Будучи воспитанъ на его рукахъ, въ его очахъ, лѣтъ съ дватцать будучи въ его объятіяхъ, на его попеченіи, не льзя не соотвѣтствовать его любви, не льзя не почитать его дружества. Чрезъ долгое время казалось оно ему истиннымъ; но когда началъ болѣе въ свѣтѣ жить и всѣ приключенія собствен-

нымъ разсудкомъ и опытомъ познавать, тогда къ крайнему удивленію своему увидѣлъ, что дружество Сингенія было къ нему притворное. Почему такъ? ибо Сингеній, ему благотворя, питалъ въ немъ собственную свою страсть. Но истинная любовь должна отдалена быть отъ всѣхъ пристрастій; а гдѣ замѣшались они, тамъ и дружество не истинное. Сингеній, правда, любилъ Віофита, иногда не могъ нарадоваться на него., иногда все въ немъ удовольствіе свое полагалъ; но любовался имъ такъ, какъ живописецъ написанною отъ себя картиною, какъ дѣвица въ зеркалѣ своимъ лицемъ, какъ звѣри своими дѣтенышами, какъ птицы своими птенцами, какъ и всѣ скоты своею породою. (*) „Скажите „мнѣ, говоритъ одинъ Философъ, мо„жно ли то милосердіе назвать прямою „добродѣтелію, когда нѣжная жена, „или молодой человѣкъ, узрѣвъ неча„янно нищаго, порывается плакать, и „не иначе успокоеваетъ мятущееся „сердце свое, какъ подавая деньги? „Ду-

(*) Сенека.

„ Думаете ли вы, продолжаетъ онъ,
„ что милосердіе ихъ есть прямое?
„ Нѣтъ, они, сожалѣя такъ, дѣлаютъ
„ удовольствіе своей страсти, они
„ такъ успокоиваютъ отъ жалости
„ волненіе крови. Ихъ милосердіе по-
„ ходитъ на гнѣвъ, которой дотолѣ
„ безпокоитъ, доколѣ не получитъ
„ нѣкоторымъ образомъ своего мщенія. „
А прямо милосердой благотворитъ не
для одного утоленія жалости, не для
того, что и самъ въ подобномъ не-
счастіи быть можетъ; ибо сія къ дру-
гому любовь есть собственная пред-
осторожность; но милосердствуетъ
для того, кто узаконилъ благотворе-
нія добродѣтель. Віофитъ, пришедши
въ разсудокъ, такое пристрастіе въ
Сингеніѣ узналъ; ибо когда вступилъ
въ супружество, то забылъ тѣхъ,
отъ кого произошелъ на свѣтъ; а
узрѣвъ супружества плодъ, отъ жены
къ подобію своему страсть пере-
носилъ; воспитавъ же дѣтей, забвенъ
былъ при ихъ супружествѣ отъ нихъ.
И такъ, дружась съ Сингеніемъ, можно
сказать, вживѣ видѣлъ свое погребеніе.

Аретъ

Аретъ искренно Віофита любилъ; услуги свои оказывалъ ему больше въ несчастіи, гдѣ познается вѣрное дружество. Не было ни одного преимущества, коего бы не можно было въ Аретѣ найти. Какъ Создателя почитать, какъ ближняго любить, какъ съ родителями, въ супружествѣ, съ дѣтьми, съ слугами и въ обществѣ, яко гражданину, жить, въ какихъ границахъ содержать свое самолюбіе, умѣрять свои страсти, хранить здоровье, жить благопристойно, не предаться суевѣрію, или дерзости, и какъ истинное благополучіе снискать, всему этому научалъ Аретъ Віофита. Превосходства его описать не можно. Нѣкоторой писатель (*) языческій говоритъ о добродѣтели такъ: *О ты, прекрасная дѣва, премноготрудного для человѣческаго рода и всеспасительною явленная! для твоея красоты умереть внѣ отечества есть желанная смерть и не жаль истощить всѣ свои труды. Ты всѣваешь безсмертныя въ души сѣмена, гораздо дражайшая, нежели*

(*) Аристотъ.

жели злато, родители и пріятной сонъ; за тебя-то де Геркулесъ, Юпитеровъ сынъ, и Ледины дѣти, столь много пострадать отважились, доказывая своими дѣйствіями твою силу! Сія, говорю, похвала принадлежитъ Арету. А потому и Віофитъ ежели бы держался правилъ истинной мудрости, и ежели бы не развлекаемъ былъ другими пристрастіями, то бы единому Арету повѣрялъ свое сердце. Но то бѣда, что исправленія терпѣть не могъ. Чѣмъ спасительнѣе слышалъ онъ Арета совѣты, тѣмъ болѣе отъ него отвращенія имѣлъ. Хотя все то, что онъ ему ни говорилъ, было свято, хотя все служило къ отвращенію его напастей и ко умноженію благополучія, но все то Віофитъ съ холоднымъ духомъ принималъ; хотя по видимому ему и повиновался, но или на самое краткое время, или отъ послѣдовавшей бѣды, или притворно. Это неудивительно; ибо старая пословица: *говорить правду, потерять дружбу.*

Плутосъ былъ превеликой обманщикъ; однако же не одного Віофита,

но и тысячи другихъ людей плѣнялъ. Хотя въ самой вещи не было въ немъ ни малаго постоянства, но всѣ его искали дружбы. Не одни подлые люди почитали его, какъ идола, но купцы, приказные, дворяне, не щадили ни чести, ни совѣсти своей для снисканія его благопріятства. Самые ученые, которымъ рѣдко удавалось извѣдать его любовь, и которые по большой части его ругали, искали покланяться ему, какъ Стигійскому божку. Привлекательства его толь сильныя были, что посредствомъ ихъ все въ свѣтѣ можно было сдѣлать: нарушить супружнюю любовь, преобратить святые законы, измѣнить Государю и отечеству, продать друга, брата, отца, дѣтей и сдѣлаться противникомъ самому Творцу, и словомъ сказать, на всѣ беззаконія и преступленія рѣшиться по его совѣту удобно было возможно; и сколь силенъ былъ въ предпріятіи пороковъ, столько же иногда возбуждалъ и добродѣтелей, хотя сіе гораздо рѣже, нежели то случалось. Иногда его побужденіями художества доходили до высочайшей степени совершенствъ,

про-

процвѣтали науки, одерживаемы были славныя побѣды, найдены полезныя изобрѣтенія, коммерціи, мореходства, союзы государствъ, все то было его прелестей плодъ. При толикой его славѣ не было ни одной роскоши, ни одного величества, никакого великолѣпія, которое бы не сопутствовало съ его обманами. Пиршество и всякое сластолюбіе, богатые вы̂езды, пышныя зданія, блистательные наряды, знаменитыя торжества, окружающее многолюдство, были, такъ сказать, неотступные его рабы, какъ тѣнь, за солнцемъ всегда послѣдствующая. Подумайте, могъ ли Віофитъ, котораго и взоръ, и слухъ, и вкусъ, и всѣ чувства прелестямъ посвящены были Плутоса, предпочитать ему Арета? Онъ до безумія влюбленъ былъ въ него. И хотя ежедневными и ежечасными дознавалъ опытами, что Плутосъ не твердъ, что Плутосъ обманщикъ и льстецъ, что Плутосъ то и дѣло какъ друзей своихъ губилъ, что не только при несчастіяхъ никому не помогалъ, но причиною былъ ихъ паденія, низверженія, болѣзней и смерти; одна-

однако какъ осмидесятилѣтняя старуха волочится за молодымъ, такъ онъ повсюду гонялся за Плутосомъ.

И такъ Віофитъ, позабывъ и стыдъ, и страхъ, и угрызѣніе совѣсти, предался всесовершенно дружбѣ Плутоса, предался всѣмъ своевольствамъ и роскошамъ, завелъ пиршества, завелъ богатые домы, множество слугъ, отмѣнныя убранства, и все удовольствіе жизни въ томъ только полагалъ, чтобъ пить, ѣсть, роскошествовать и веселиться. И хотя по наружности казалося, что онъ счастливѣе другихъ, хотя невѣжды и глупцы съ удивленіемъ смотрѣли на его златотканныя одежды, на его дорогія ѣствы и на всѣ его пышности; хотя и завидовали тѣмъ благопріятствамъ, которыя къ нему изъявлялъ Плутосъ, но не понимали того, что онъ въ самомъ дѣлѣ есть бѣднѣйшій человѣкъ. (*) „Ибо „когда онъ хотѣлъ собрать свое богатство, то не иначе собиралъ, какъ „только прямо, или хитростно „отнимая у другихъ. Когда казалось, „что

(*) Боэт. о ут. ф. кн. 3. 8.

„ что онѣ весьма почтенѣ, то было „ только по видимому; ибо онѣ свою „ честь отѣ вышшихѣ не иначе полу„ чить могѣ, какѣ только униженіемѣ, „ рабскими услугами и подлою преданностію. Когда получилѣ славу и чины, „ тогда терялѣ свободу; когда велѣ „ роскошную жизнь, тогда, служа сво„ ему чреву, былѣ презрѣнный подража„ тель неистовства скотскаго.„

При всемѣ этомѣ не былѣ доволенѣ своимѣ состояніемѣ Віофитѣ: чѣмѣ больше хваталѣ, тѣмѣ болѣе жадничалѣ; чѣмѣ болѣе имѣлѣ, тѣмѣ больше пріобрѣсти хотѣлѣ. Хотя натура человѣческая весьма немного кѣ исполненію своихѣ нуждѣ требуетѣ, но онѣ безчисленнаго искалѣ; а все, что ни имѣлѣ, отѣ другихѣ заимствовалѣ. Нахваталѣ, намоталѣ, задолжалѣ, запутался, зассорился, вступилѣ вѣ тяжбы, нажилѣ худую славу, пришелѣ у всѣхѣ вѣ ненависть, омерзѣлѣ не только другимѣ, но и самому себѣ, и вмѣсто веселостей не только печалился, но и отчаянію предаться былѣ долженѣ. Между тѣмѣ должники окружили его домѣ. Какѣ ни гордился,

 какѣ

какъ ни величался, а надобно было чужее отдать; но чѣмъ же заплатить? долговъ на немъ, по пословицѣ, больше было, нежели на головѣ волосовъ. Долженъ былъ онъ заплатить родителямъ за его воскормленіе, наученіе, воспитаніе, и проч. а заплатить не только повиновеніемъ и почитаніемъ, котораго, водясь съ Плутосомъ, не исполнилъ, но и за иждивеніе, помогая имъ иждивеніемъ же въ слабой старости, такъ какъ они помогали ему въ безпомощномъ младенчествѣ. Хотя бы, говорю, однимъ иждивеніемъ; ибо благодарности никакой другой отъ него чаять не можно было съ тѣхъ поръ, какъ скоро возненавидѣлъ Арета. Долженъ онъ былъ заплатить супружеству не только вѣрностію къ женѣ и добрымъ примѣромъ дѣтямъ, но порядочнымъ своего дому управленіемъ, отдаленіемъ роскоши и скупости, хотя не богатымъ, но умѣреннымъ содержаніемъ, разумнымъ для будущаго ихъ состоянія распоряженіемъ, честнымъ расточеніемъ имѣнія своего тамъ, гдѣ его жалѣть не должно, гдѣ требуетъ того или нужда,

или польза, или благопристойность. Но какъ Віофитъ все, что ни имѣлъ, на свои только прихоти употреблялъ, или, какъ говорятъ, жилъ въ самаго себя; потому не только отъ нихъ ненавидимъ былъ, но не давая имъ того, что давать слѣдовало, обѣщавая только и не платя имъ денегъ, собственно имъ принадлежащихъ, и у нихъ остался въ долгу.

Долженъ былъ онъ заплатить долги и вышшимъ и нижшимъ: обществу и Государю не однимъ повиновеніемъ и тщательнымъ должности своея прохожденіемъ, или порядочнымъ дѣтей воспитаніемъ и къ общественнымъ услугамъ предуготовленіемъ, но уплатою податей, или вѣрною куплею и продажею по указамъ вещей, всемѣрнымъ сбереженіемъ государственнаго интересу; а нижшимъ за услуги платить не только любовію, одобреніемъ и пощадою ихъ трудовъ, но вѣрною раздѣлкою, неотлагательнымъ награжденіемъ и праведнымъ подвиговъ возмездіемъ. Но какъ сего Віофитъ не исполнялъ, или исполнялъ медленно, неразсудно, съ удержкою, или съ не-

нерадѣніемъ, то и оставался у всѣхъ въ поносительныхъ долгахъ. Подлинно, что такіе долги порицанія достойны; ибо удержаніе мзды наемничей есть вопіющій на небо грѣхъ.

Долженъ былъ онъ заплатить ближнимъ, сосѣдямъ и премногимъ посторроннимъ, у которыхъ нахваталъ. Иные его называли воромъ, иные убійцею, иные клеветникомъ, иные тиранномъ, порицая такъ: кто позволенною любовію супружества не довольствуясь, а хитростно обманувъ или дѣвицу, похищаетъ у нея вѣрность будущаго мужа, или вдовицу, нарушая клятву къ мужу умершему, или супругу, отъемля у ея мужа любовь, которая по присягѣ ему принадлежитъ: тотъ не долженъ ли назваться воромъ? Кто своимъ состояніемъ не довольствуясь, уменьшаетъ другихъ честь, а себѣ больше, нежели чего достоинъ, приписываетъ, или малыя другихъ погрѣшности увеличиваетъ, а совершенства ихъ скрываетъ; кто добрыя ихъ намѣренія въ худую толкуетъ сторону, или намѣренія злыя являетъ добрыми; кто въ глаза говоритъ похвалы, а за

глаза ругаетъ, тотъ другихъ и себя убиваетъ. Кто, свою жизнь худо расположивъ, жалуется на судьбу и въ нещастіяхъ своихъ не винитъ себя, а другихъ, тотъ клеветникъ. Кто худыми обращеніями совращаетъ другихъ съ пути добродѣтели на порокъ, тотъ душегубецъ. Кто, получивъ твердой составъ тѣла, здравіе, крѣпость и красоту, не употребляетъ сіи дары такъ, какъ Виновнику ихъ угодно, тотъ неблагодарной, тотъ себѣ тираннъ, тотъ не заслуживаетъ помилованія дотолѣ, доколѣ всякому не воздастъ свое. Таковыми-то упреканіями порицаемъ былъ Віофитъ. Да и справедливо; ибо заподлинно велъ онъ жизнь свою худо. Когда онъ не прощалъ и не миловалъ своихъ должниковъ, такъ и себѣ отъ другихъ помилованія ожидать не могъ. Надобно ему и за зло платить добромъ, но онъ и за добро не платилъ добромъ. А кто зло искоренить хочетъ зломъ же, обиду отмщеваетъ обидою, гнѣвъ немилосердыхъ должниковъ гнѣвомъ же, а не смиреніемъ, непризнаніемъ и не испрашивая помилованія, но паче

ихъ раздражая: тотъ ни прощенія, ни помощи, ни сожалѣнія отъ нихъ ожидать не можетъ.

Такимъ образомъ раздраженные, или, лучше сказать, разъяренные на Віофита должники требовали долговъ, подавали протесты, вступали въ тяжбы, вызывали на судъ. Какъ ни думалъ онъ сокрыться въ своемъ дому, но приходило время его оставить; какъ ни лукавилъ, какъ ни отговаривался, какъ ни обманывалъ, но наступало неизбѣжное бѣдствіе. Четверо главнѣйшихъ, которые содружась были дотолѣ основаніемъ его житія, раздружились на тотъ часъ, и въ чемъ прежде помогали ему общими силами, то послѣ наперерывъ каждой свое получить скорѣе хотѣлъ. Одинъ сжечь, другой задавить, третій развѣять, четвертой въ море утащить его хотѣли.

Время наступало, приближался судъ: надобно неминуемо платить долги. Послѣдовало опредѣленіе, вышелъ указъ, дабы поступить съ Віофитомъ по всей строгости законовъ. Уже то, чего онъ прежде со страхомъ ожидалъ, самымъ исполняется

дѣ-

дѣломъ; пустое чаяніе его въ прямую преобращается безнадежность. Уже то, что откладываемо было съ одной поры на другую, не ждетъ ни дня, ни часа. Хотя не хотя, надобно послѣ пріятностей вкушать и горестей плоды. Какая перемѣна! тотъ Віофитъ, на котораго съ удивленіемъ всѣ взирали, предается съ безчестіемъ въ руки немилосердыхъ стражей; тотъ, которой облачался въ порфиру и виссонъ, которой одѣвался златотканными одеждами, заключается во узы. Тотъ, которой покоился въ великолѣпныхъ чертогахъ, ведется на заключеніе въ мрачную темницу; котораго окружали множество рабовъ, предается въ руки судіи. О горе! долги истинные, судія нелицемѣрный, свидѣтель неложный, защитить некому, платить не въ состояніи, судъ страшенъ, наказаніе нестерпимо. Какъ быть? гдѣ надежды искать? гдѣ помощи просить? Тогда-то надобно было прибѣгнуть къ друзьямъ, отъ нихъ однихъ оставалось только помощи просить, кромѣ ихъ не откуда было Віофиту спасенія чаять. Надѣяся на нихъ, думалъ онъ,

что какъ злато искушается огнемъ, какъ добраго отъ худаго отличаютъ коня, какъ ложную отъ хорошей стараемся разпознать монету, какъ лежа больные на постелѣ, требуемъ врача, или какъ Креонъ, не въ силахъ будучи дщери своей вспомоществованіе сдѣлать, обнявши купно съ нею во время пожара умеръ: такъ подобную и Віофитъ думалъ найти вѣрность въ своихъ друзьяхъ.

Итакъ взялъ свое прибѣжище прежде всѣхъ къ Плутосу. Онъ ему говорилъ: о ты, мой другъ, котораго я болѣе всѣхъ почиталъ! ты, который всегда былъ соучастникъ трапезы и веселостей моихъ, которому я жертвовалъ не однимъ внѣшнимъ счастіемъ моимъ, но сердцемъ и душею! сжалься надъ бѣднымъ заимодавцемъ, и подай руку помощи тому, который не только всего благопріятства счастія лишенъ, но отвсюду бѣдствіями окруженъ, нынѣ-то мнѣ окажи свою любовь; ибо вѣрный другъ въ несчастіи познается.

При сихъ стенаніяхъ Плутосъ на Віофита съ презрѣніемъ глядѣлъ; онъ

по-

показывалъ столько отвратительной видъ, что будто бы отъ роду его не видалъ и не знаетъ. Поди прочь, говорилъ онъ ему, подлецъ! я мою дружбу предлагаю только тѣмъ, которые имѣютъ величество, роскоши, пиршества, пышность; а ты презрѣнный, находясь въ рукахъ стражей, говоришь, будто бы повѣрялъ мнѣ сердце свое. Я уже тысячу такихъ друзей отъ себя отвергалъ. Какъ муха летитъ на горящую свѣчу и сама отъ себя погибаетъ, такъ ты съ подобными тебѣ, которые недостойны моего воззрѣнія, погибай на вѣки. Я тебя не знаю, не знаю. Горестно было слышать Віофиту такія слова. Онъ тогда проклиналъ и вѣроломство Плутоса и свое безразсудство. О ты льстецъ, думалъ онъ въ себѣ! не тебя ли хотѣли изобразить Піиты подъ именемъ Цербера, адскаго пса, которой ко входящимъ во адъ ласковъ, а хотящимъ изыти страшенъ? Не ты ли тотъ *Лизандръ*, которой Аѳинейцевъ обманомъ погубилъ? Не я ли тотъ у Александра *Лизимахъ*, у Тиверія Селанъ, у Юстиніана Велизеръ, которыхъ равно какъ

и меня надежда обманула? Я своей погибели не только искалъ, но купилъ, и собственное зло съ великимъ бѣдствіемъ пріобрѣталъ. Что дѣлать? узнаю, но поздно! раскаяваюсь и грущу, но печаль невозвратна!

Межлу тѣмъ стражи привели его на судъ, поставили предъ судію. Стыдъ, страхъ, гнѣвъ, отчаяніе, смущали его душу. Тогда онъ, желая умилостивить судію, началъ ему говорить слѣдующія слова:

(*) ПСАЛ. 143.

Приличноль Господу итти съ рабомъ на судъ?
Не тщетной ли ему съ рабомъ судиться трудъ?
Что естьли онъ возьметъ свой верьхъ надъ господиномъ?
И какъ съ слугой вступать судебнымъ въ тяжбу чиномъ?
Повѣрь, о судія! что силъ во мнѣ тѣхъ нѣтъ,
Дабы я предъ тобой сдержати могъ отвѣтъ.
Со правосудіемъ не льзя твоимъ равняться,
Не спорити при немъ, но только лишь смиряться.
Не льзя побѣду мнѣ въ судѣ семъ одержать,
Осталось предъ тобой виновнымъ предстоять.
Какой бы возмечталъ витія дерзновенно,
Чтобъ говорить съ тобой смѣлъ необиновенно?
Какой бы славной могъ найти обманъ Юристъ,
Чтобъ ты въ судѣ своемъ остаться могъ нечистъ?

О!

(*) Елегія.

О! сколько знаю я, о сколь ты правосуденъ
И въ милосердіи и въ истиннѣ пречуденъ!
Довольно милости твои свѣтъ дознаетъ,
Десница всѣмъ твоя свои щедроты льетъ.
Ты на преступниковъ съ печалію взираешь,
И столькожъ, какъ они, имъ жалости являешь,
Со отвращеніемъ кладешь имъ должну месть,
Желая къ лучшему ихъ житію привесть,
И ту имъ больше казнь привыкъ опредѣляти,
Дабы вину свою могли они спознати.

Хотяжъ я милости твои превозношу,
Но не вступати въ судъ со мной тебя прошу.
Хоть милосердіе твое и почитаю,
Но истинну въ судѣ твою я столькожъ знаю:
Во правосудіи правдивъ всегда и твердъ,
Къ преступникамъ равно ты строгъ и милосердъ.
Какъ равныя вѣсы стоятъ не преклоняясь:
Съ пощадой истинна твоя такъ къ намъ являясь,
Не внемлютъ жалобамъ, ниже какимъ слезамъ,
Не смотрятъ на лица, не внемлютъ ихъ дарамъ,
Ни краснорѣчіемъ, ниже какой цѣною,
Ни лицемѣріемъ, ни хитростью какою,
Нелицемѣрный судъ твой можно премѣнить,
Не льзя виновнаго, не льзя въ немъ оправдить.

И ктобъ на сей могъ судъ безъ трепета пред-
(стати?
Ктобъ столько былъ правдивъ, чтобъ могъ на немъ
(стояти?
Во Марсовомъ хотя кровавомъ полѣ страхъ
И въ шумѣ копіевъ смерть предстоитъ въ глазахъ,
Ужасныхъ посреди всѣхъ вражескихъ полковъ
Гораздо меньшій страхъ и ужасъ не таковъ.
Не льзя враговъ, не льзя, ни смертей такъ бояться,
Сколь ужасно на сей судъ страшный намъ являться.

Со-

Сокройся Радамантъ, сокройся ты, Диктей,
И ты не мни Еакъ, чтобъ я во тьмѣ твоей
И въ адскихъ пропастяхъ толико убоялся.
Не мните, чтобы мукъ я вашихъ ужасался;
Мнѣ больше страшно судъ имѣть съ тѣмъ судіей,
Котораго любить душей я долженъ всей.
Его мнѣ страшенъ судъ, его опредѣленье,
Чтобъ быть избавленнымъ, или итти въ мученье.
Не сносно совѣсти имѣть такой позоръ,
Несносно мнѣ терпѣть его ужасный взоръ.
Коль въ руцѣ впасть его страшились и Святые,
То что преступники мнить должны проклятые?
Возможноль маленькимъ подпорамъ тамъ стоять,
Гдѣ стоя самые столпы должны дрожать?
Возможноль маленькимъ былинкамъ тамъ держаться,
Высоки кедры гдѣ отъ вѣтровъ сокрушатся?
    Какъ скоро я о семъ начну лишь помышлять,
Отъ страху кровь во мнѣ вся хочетъ замерзать.
Какъ острымъ топоромъ животныхъ поражаютъ,
То, сколько силы въ нихъ, они тутъ убѣгаютъ:
Такъ я отъ страху весь дрожу и трепещу,
И въ милости твоей спасенія ищу.
О праведный судья! не вниди въ судъ со мною!
Не льзя мнѣ бѣдному судитися съ тобою!

Судія, выслушавъ его слова, сказалъ: хотя мнѣ и жаль, однако же я тебя до тѣхъ поръ помиловать не могу, доколѣ ты не заплатишь всѣ долги. Какое было бы правосудіе, ежели бы всякому свое не воздавать? Да и стерпимо ли для тебя самаго было, естьли бы твой сосѣдъ, занявъ на время у тебя деньги, не хотѣлъ ихъ отда-

вать тогда, когда они тебѣ самому нужны? И такъ законъ, которой никто, ниже я самъ, перемѣнить долженъ, повелѣваетъ подвергнуть тебя всей строгости.

Послѣ сего подписано опредѣленіе, вышелъ указъ, дабы окованнаго Віофита заключить въ темницу и держать, доколѣ не заплатитъ долговъ. Не трудно было ему тогда узнать, что темница ему будетъ вѣчная; вѣчная потому, что на вѣкъ лишался онъ надежды выплатить долги. Въ таковой безнадежности вздумалъ онъ еще искать спасенія своего въ дружествѣ. Не безъ печали, думалъ онъ, сношу я измѣну Плутоса, и его гордость столько мнѣ чувствительна, что естьли бы не имѣлъ я нужды, то ни въ жизнь бы дружиться съ кѣмъ либо не согласился. Однако можетъ быть одинъ онъ таковъ. И такъ прибѣгну я лучше къ Сингенію, котораго любовь кажется мнѣ непрерывною; дружба его со мною, не только отъ младости, но отъ самаго рожденія продолжающаяся, безъ сомнѣнія подастъ мнѣ въ настоящихъ моихъ злоключеніяхъ руку

помощи. Такимъ образомъ размышляя, умолилъ онъ стражей, дабы прежде исполненія судейскаго опредѣленія дозволили ему хотя на часъ повидаться и поговорить съ Сингеніемъ. Свидѣлся, говорилъ, но къ удивленію своему нашелъ его столько холоднымъ къ себѣ, что едва знакомцомъ своимъ почесть его хотѣлъ. Когда только началъ было Віофитъ говорить, что вѣрный другъ въ несчастіи познавается, то Сингеній прерывалъ его слова, называя его то дуракомъ, то шалуномъ, то бездѣльникомъ и достойно страждущимъ, потому что лишился дружества Плутоса, которой не меньше и ему надобенъ былъ. Чѣмъ я, говорилъ онъ, тебѣ пособлю? У меня есть жена, у меня есть дѣти, у меня старухи на рукахъ, у меня домъ, есть мнѣ о чемъ и безъ твоихъ долговъ думать, которые ты мотовствомъ нажилъ. Не уже ли ты, отвѣтствовалъ Віофитъ, дружился со мною по нуждѣ? Истинная любовь должна быть непринужденною; она основывается на любви той, которую имѣетъ къ намъ Богъ: онъ любитъ не изъ корысти, но произ-

воль-

вольно, ничего отъ насъ не чая; она пребываетъ въ душахъ, а не въ Плутосовѣ благопріятствѣ; она, начинаяся здѣсь, не прерывается и въ вѣчности. Она ищетъ своего въ другѣ пребыванія не для чести, или богатства, или какого либо внѣшняго состоянія, но любитъ друга по тому, что онъ самъ по себѣ любви достоинъ, въ счастіи ли бы онъ былъ, или въ несчастіи. Ну да какъ то ни есть, только и въ нуждѣ не проживешь безъ помощи, отвѣчалъ Сингеній; твоя любовь развѣ на томъ свѣтѣ хороша, а здѣсь мы всѣ имѣемъ нужды, и того любимъ, кто насъ можетъ снабдить. А коли ты промотался и ничего у тебя нѣтъ, такъ ищижъ ты подобныхъ себѣ, съ которыми бы духомъ дружиться; а я тебя хотя и люблю, но ничего не даю. Такъ натуральная твоя любовь, отвѣтствовалъ Віофитъ, походитъ на Татарскую; ибо Татары зарываютъ живыхъ въ землю своихъ рабовъ, коли они работать не могутъ, и бросаютъ въ воду отцовъ и матерей тогда, когда, приходя въ старость, для услугъ имъ не нужными кажутся. О Сингеній!

поз-

позволь мнѣ сказать, что твоя любовь есть мерзская, принужденная и ни мало неосновательная; ибо кромѣ истиннаго, основывающагося вѣ душахѣ, нѣтѣ другаго дружества. Пріятны родители, милы дѣти, любезны братья, но ежели вѣ нихѣ сея любви нѣтѣ, то они только льстецы. Я тебѣ и примѣры покажу: не правда ли, что Юпитерѣ убилѣ Сатурна отца; Птоломей отѣ сего названѣ Филопатрѣ, что убивши отца и мать, погубилѣ наконецѣ и жену свою Еврадику; Орестѣ убилѣ Клемнестру, Неронѣ Агриппину, Антипатрѣ Ѳессалонику, своихѣ матерей, Тезей дѣвственнаго Ипполита, Филиппѣ, Македонскій Царь, Димитрія, Птоломей (другой) вѣ Египтѣ двухѣ, Иродѣ во Іудеи одного, Константинѣ Криспа, родныхѣ своихѣ сыновей погубили? Мало ли было примѣровѣ, что убивали и матери своихѣ дѣтей, которыя, кажется, по натурѣ должны быть нѣжнѣе и чувствителънѣе? Кому не извѣстна Медея? Какѣ можно безчеловѣчнѣе поступить, какѣ Лаодика, Каппадокійская Царица, которая, желая царство получить, убила

пятерыхъ сыновей? Повторяю, что любезны родители, любезны дѣти, любезны братья, но я еще прибавлю (въ показаніе сея неосновательныя любви) примѣры: Фраатъ, мерзской изъ всѣхъ человѣкъ, жадничая сластолюбія, убилъ Орода, престарѣлаго своего отца, и тритцать братьевъ своихъ. Любезны супруги, но убилъ Неронъ Октавію, и Птоломей Арсиною. Но это древніе примѣры, а новые ежедневно попадаются въ глаза. Почему естьли между всѣми любезными толико кроется ненависти, огорченія и опасностей, то одно только истинное дружество, о коемъ я сказалъ, симъ бѣдствіямъ не причастно. Никогда не случалось, чтобы прямо искренній другъ друга погубилъ. О коль великое тотъ сокровище пріобрѣлъ, кто его нашелъ! Но сего мало ищутъ смертные, а большая часть людей ищутъ пщетнаго, маловажнаго, ищутъ больше помѣстья, полей, корысти и обогащенія, нежели прямаго дружества. И ежели съ толикимъ тщаніемъ сохраняютъ злато, сребро и драгіе каменья, то гораздо бы нужнѣе сохранять истиннаго дру-

 га,

га, котораго лишиться есть тоже, что выпустить изъ рукъ поиманную птичку, которая, далеко отлетѣвъ, паки не возвращается, какъ говоритъ нѣкоторой (*) мудрецъ. И такъ имѣетъ тотъ истинное благо, хотя и съ трудомъ пріобрѣтенное, кто имѣетъ истиннаго друга. Онъ-то, а не Плутосъ, есть то богатство, которое нажившъ должно весьма рачительно хранить, а потерявъ чрезмѣрно оплакивать. Все это, что я доселѣ говорилъ, къ тебѣ примѣняю, любезный Сингеній; тебѣ я поручалъ мое сердце, въ тебѣ я находилъ вѣрность, потому и въ настоящемъ нещастіи отъ тебя спасенія чаю. Да! это правда, отвѣчалъ Сингеній; когдабъ и я въ тебѣ имѣлъ нужду, то бы, можетъ быть, и я съ тобою такъ дружно жить согласился, но я вижу, что мнѣ нѣчего отъ тебя взять. Однако я, не такъ какъ Плутосъ, не говорю, будто бы тебѣ никогда и знакомъ не былъ. Я тебѣ услугу мою окажу: тебя велѣно въ темницу заключить; пойдемъ, я тебя до самыхъ дверей провожу. Послѣ того

(*) Еккл.

того вмѣстѣ они до темничныхъ дверей шли. Сингеній казался печальнымъ; онъ показывалъ видъ, что ему разлученіе съ Віофитомъ прискорбно. По дорогѣ индѣ останавливался, индѣ воздыхалъ, индѣ, растрепавши волосы, плакалъ, индѣ крикомъ и воемъ улицы наполнялъ. До самыхъ дверей хватался и обнималъ руками, десятью цѣловалъ, выхвалялъ его прежнее съ нимъ обхожденіе, называлъ его то голубчикомъ своимъ, то сердечкомъ, то батюшкою, и этимъ выхвалялъ его по одной дорогѣ. Наконецъ дошли до темницы, которая и въ длину и въ глубину сдѣлана только была на два аршина съ половиною. Пошелъ бѣдный Віофитъ; а Сингеній помогъ за нимъ и двери затворить. Віофитъ, лишаяся тогда чувствъ, оплакивалъ свои бѣдствія слѣдующими словами:

Уже во мрачной я темницѣ заключаюсь
И свѣта яснаго на вѣки здѣсь лишаюсь,
Уже сокрылись вы, пространны небеса,
Уже свѣтъ солнечный не зрятъ мои глаза,
Окованъ по рукамъ и по ногамъ, стенаю
И злую часть мою во злѣ окаяваю.
Въ жилище цѣлый свѣтъ былъ сотворенъ кому,
Какъ черепаха тотъ живетъ въ своемъ дому.

О сколько разъ хотѣлъ сего я убѣжати
И тщился много кратъ оковы низвергати!
Счастливѣе меня Лукреція была,
Которая себѣ мечемъ жизнь отняла.
Счастливѣй Порція была передо мною,
Что смертною могла жизнь прекратить судьбою.
Но мнѣ утѣхи сей не льзя во вѣкъ найтить,
Не льзя мнѣ смертію злу участь прекратить.
Я лучше бы хотѣлъ во пропастяхъ сокрыться,
Или на сѣверѣ въ край свѣта удалиться,
Иль міра за предѣлъ отселѣ возлетѣть.
Несносно скуку мнѣ темничную терпѣть!
Въ оковахъ тяжкихъ сихъ можноль имѣть свободу?
Можноль душѣ хранить небесную породу,
И льзяль добро творить, котораго хочу?
Я день и ночь лице слезами здѣсь мочу.
О ты, мой милый свѣтъ! къ дверямъ моимъ коснися,
Сколь гнусное мое жилище, почудися.
А ежели замковъ боишься и стражей,
То разомъ ты однимъ темничну дверь отбей.
Какъ Ангеломъ былъ Петръ избавленъ отъ темницы,
Я тѣхъ же милостей жду отъ твоей десницы.
Никто мнѣ помощи, никто не подаетъ,
Никто участія со мною не беретъ.
О ты, мой милый свѣтъ! отверзи двери мрачны
И небеса дозволь мнѣ видѣти прозрачны.
О вы разсѣянны въ пространныхъ небесахъ
Свѣтила, кои мнѣ сверкалися въ глазахъ!
Къ себѣ вы узника днесь душу преселите
И отъ несчастія темничнаго измите.
Какой тебя, мой свѣтъ, стрѣлой я поразилъ,
Что взоръ твой отъ меня ты въ гнѣвѣ отвратилъ?
Не я сей жалобы, но ты же самъ виною,
Она окончится твоей же похвалою.
Я знаю, что моимъ нѣтъ мѣста похваламъ,
Какая узниковъ пѣснь, вѣдаешь ты самъ.

Све-

Свободно птичка пѣснь поетъ, въ лѣсахъ гуляя,
Молчитъ поиманна, во клѣткѣ унывая.
Изъ мрака изведи, о ты, мой милой свѣтъ!
Явись хоть ты теперь на помощь мнѣ Аретъ,
Что я печалію снѣдаюсь и тоскою,
Въ томъ винность признаю мою передъ тобою.
Вотще я Плутоса толико почиталъ,
Вотще Сингенію я сердце отдавалъ,
Любви въ нихъ истинной и не было и нѣтъ,
Приди ко мнѣ; приди, любезный мой Аретъ!

Аретъ немедленно предсталъ. Ты меня зовешь на помощь, говорилъ онъ Віофиту, я не только предъ тобою предстою, но знай, что и никогда отъ тебя не отступаю: куда тебя ни водили, я всегда слѣдовалъ за тобою. И естьли вѣрный другъ въ несчастіи познавается, то знай, что хотя теперь и поздно, однако я мои услуги предложить тебѣ готовъ, хотя ты меня не столько, какъ должно, однако же любилъ, и я любви твоей не забываю. Когда тебя обманывалъ Плутосъ, когда ты слишкомъ привязанъ былъ къ Сингенію, тогда я о тебѣ жалѣлъ, и всѣми моими увѣреніями не могъ отъ нихъ отвратить. Віофитъ при сихъ словахъ только воздыхалъ, чувствія его печали были только въ его душѣ, а тѣлесныхъ онъ тогда лишал-

ся чувствѣ. Аретъ его утѣшалъ, сказывая, что всѣ долги его предстательствомъ будутъ ему прощены, и что ему только надобно у всѣхъ должниковъ испросить прощенія и помилованія, а потомъ и отъ судіи ожидать прощенія, обѣщаваясь, все прочее собою дополнять. Сіе Аретъ и дѣйствительно исполнилъ: онъ принялъ на себя трудъ всѣхъ должниковъ уговорить; предъ его родителями представлялъ онъ его глупости, неосновательную молодость, необузданность страстей, худое ихъ и недовольное объ его воспитаніи попеченіе, обращеніе со злыми людьми, до котораго они его допустили. Впрочемъ уговаривалъ, дабы изъ человѣколюбія долги и вины его простили. И такъ въ намѣреніи своемъ успѣлъ. Потомъ тѣми же и подобными резонами убѣдилъ жену и дѣтей, умилостивилъ и правительство, уговорилъ и сосѣдей, старался извинять и предъ всѣми тѣми, которые называли его воромъ, клеветникомъ, или собственнымъ тиранномъ. Словомъ сказать, Аретъ всѣхъ удивилъ тѣмъ паче, что Віофитомъ или посредствен-

ственно, или съ невѣрностію и измѣною былъ любимъ. Наконецъ колико праведный, толико и человѣколюбивый судія за рѣдкую любовь Арета Віофита пощаду и помилованіе сдѣлать обѣщался.

Тогда Аретъ, сей искренній и превѣрный другъ, и единъ тотъ, которой обманывать и измѣнять не можетъ, единъ тотъ, которой дѣлаетъ того изъ смертныхъ благополучнымъ, кто поручаетъ свое сердце любви и свою жизнь его предводительству; тогда тотъ Аретъ, которой и въ счастіи и несчастіи, и въ жизни и въ смерти и послѣ смерти оказывать свои благотворенія привыкъ, объявилъ Віофиту радостную вѣсть, и свергнувъ оковы, взялъ его за руку и извлекъ на свободу, на тѣ ли прекрасныя Елисейскія поля, которыя описали Піиты, или въ тѣ мѣста, гдѣ при началѣ свѣта протекали Фисонъ, Геонъ, Тигръ и Евфратъ; о семъ обстоятельнаго описанія нѣтъ. Довольно сказать, что Віофитъ былъ въ неописанной радости, и вкушалъ тѣ веселости и удовольствія, которыхъ человѣческій языкъ изглаголати не можетъ. Сказываютъ нѣкоторые, буд-

будто Віофитъ, вышедши изъ гнусной своей темницы во оныя селенія, изъяснялъ чувствія своея души слѣдующими словами:

ЕЛЕГІЯ.

О ты, небесный свѣтъ, которымъ озаряюсь!
О ты, веселіе, я въ коемъ восхищаюсь!
Что на земли ни есть, я чту то все мечтой,
Богатство и сродство ничто суть предъ тобой.
Въ моряхъ ли кроются сокровища какія,
Поверьхъ и внутрь земли каменья предрагія,
И злато и сребро, и въ свѣтѣ что ни есть,
Предъ радостью моей ничѣмъ должно почесть.
О небеса, и вы, прекрасныя свѣтила,
Которы вышняго десница сотворила!
Превыше въ радости теперь васъ находясь
И милостямъ Творца я внѣ себя чудясь,
Веселья и отрадъ не въ силахъ изъяснити;
О сколь пріятно мнѣ въ селеніяхъ сихъ жити!
Хотябъ мнѣ тысяща досталася міровъ,
Но я, избавившись отъ тягостныхъ оковъ,
Частицу радостей моихъ не промѣняю,
Ни цѣлый смертныхъ вѣкъ съ моимъ днемъ соравняю.
Осеннею порой, весной, зимой и лѣтомъ,
Нощной гнушаюсь тьмой и самымъ дневнымъ свѣтомъ.
Моря, поля, луга и весь міръ суета
Предъ свѣтомъ, въ коемъ я, единa суть тщета.
Не тотъ здѣсь вижу міръ, въ которомъ я страдая,
Въ которомъ бѣдствуя, грѣша и заблуждая,
Во узахъ день и ночь я плакалъ и стеналъ,
И какъ избавиться отъ горестей, не зналъ.
Землей и небомъ я и міромъ обладаю,
Когда, о Господи! съ тобою пребываю.

КОНЕЦЪ.

